

**Взгляды В.А. Богородицкого и других представителей
Казанской лингвистической школы
на проблему изучения малых фольклорных жанров**

М.А. Кулькова, Т.Г. Цинеккер

Казанский федеральный университет

*Казанская лингвистическая школа, В.А. Богородицкий, малые
фольклорные жанры, народные приметы*

Особое значение малых фольклорных жанров и примет, в частности, в жизни народа подчеркивалось выдающимися мыслителями отечественной науки – И.А. Бодуэном де Куртенэ, В.А. Богородицким, А.А. Потебней, В.О. Ключевским. Как отмечал В.А. Богородицкий, «произведения народного творчества, составляя духовную атмосферу простого народа, сливаются с его жизнью, переплетаясь с нею множеством ассоциативных связей» [Богородицкий 1900: 13].

С одной стороны, многие приметы являются древними народными изречениями, базирующимися на ассоциативных представлениях архаичного человека, свидетельствующих о синкретичном способе отражения окружающего мира в его психике (В.А. Богородицкий, Н.В. Крушевский, Е.Ф. Будде, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, А.Ф. Лосев, Н.Б. Мечковская). Такой способ мышления («дологический» согласно Н.Б. Мечковской, или «инкорпорированный», согласно А.Ф. Лосеву) объясняет самобытный характер народных примет и характеризует их как «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» [Харченко, Тонкова 2008: 14]. С другой стороны, народные приметы представляют постоянно развивающийся фольклорный жанр, демонстрирующий особенности своего функционирования в современном речевом употреблении в качестве языковых способов выражения запрета, разрешения, предостережения, наставления, совета и т.д., и могут быть охарактеризованы как

истолкования неких ситуаций, которые используются «носителями традиций для построения своего поведения» [Христофорова 1998: 30].

Несмотря на различное понимание народных примет современными исследователями, ученые сходятся в едином мнении о пропозициональном содержании примет, формируемом благодаря наличию в их семантической структуре причинно-следственной связи между явлениями, которая, по мысли А.А. Потебни, предполагала перенос ассоциативной связи между сравниваемыми предметами и явлениями на сами явления [Потебня 1913: 176]. Как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «замечая постоянную зависимость явлений, т.е. постоянное присутствие одного рядом с другим или же одного после другого, ... мы допускаем между ними причинную связь; одно рассматриваем как причину, другое как результат» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 225].

Как отмечают Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова, народные приметы представляют устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание [Фаттахова, Кулькова 2013: 40].

Необходимо отметить исследования по языку паремий выдающихся представителей Казанской лингвистической школы (КЛШ) – И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, Н.В. Крушевского, Е.Ф. Будде. В частности, глава КЛШ, И.А. Бодуэн де Куртенэ, в своем предисловии к первому выпуску Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля, содержащего помимо пословиц и поговорок большое количество примет, отмечает, что «словарь Даля является не только одной из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения мирозерцания русского народа» [Бодуэн де Куртенэ 1903: XI].

Известна публичная лекция В.А. Богородицкого «Психология поэтического творчества» (1900 г.), в которой ученый осмысляет

произведения устно-поэтического творчества с психологической точки зрения, связывая сложный процесс творчества с ощущениями, из которых «слагаются» представления человека. В его рассуждениях угадывается попытка ответить на вопрос о причинах возникновения национально-специфического типа мышления, волновавший лучшие умы филологической мысли (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ): «В области ощущений сказываются индивидуальные различия в зависимости от разной тонкости наших органов чувств, а также различия по характеру воспроизведения, что конечно должно отражаться и на целом мышлении» [Богородицкий 1900: 4]. Указывая на знаковый характер языка, В.А. Богородицкий отмечает, что предметы и представления о них обозначаются специальными символами – словами, отражающими тесную связь «между представлением и его названием» [Богородицкий 1900: 6]. Здесь же талантливый ученый подчеркивает, что «представления и понятия в нашей жизни не являются в отдельности, но как звенья входят в цепь мысли. ... С нашим развитием видоизменяются и наши представления и понятия, подобно тому как такое же развитие совершалось в жизни народов и вообще человечества вместе с развитием культуры и цивилизации» [Там же].

Н.В. Крушевский в своем труде «Заговоры как вид русской народной поэзии» (1876 г.) помимо анализа особенностей народных и литературных произведений уделяет внимание выявлению специфических черт произведений фольклора, обусловленных образным мышлением архаичного человека. В своих рассуждениях об особенностях первобытного мышления Н.В. Крушевский отмечает: «... имеется в виду *первобытное* мирозерцание народа, в котором они <особенности первобытного мышления> сказываются на каждом шагу и в котором их нельзя считать логическими заблуждениями, аномалиями мыслительного процесса, а напротив совершенно естественными результатами младенческого ума» [Крушевский 1876: 5-6]. В разъяснениях Н.В. Крушевского по поводу сходства между «первобытным

умом» и «умом младенческим» можно почерпнуть важные мысли относительно психологической природы возникновения не только заговоров, но и примет, поверий, предсказаний погоды: «ум человеческий всегда склонен *смешивать наблюдение с выводом*. ... Повсюду в природе первобытный человек видит явления, он делает вывод, что это суть действия, смешивает этот вывод с наблюдением и убежден, что он видит повсюду действия. Действия предполагают разумного и свободно действующего деятеля, и вот первобытный человек повсюду в природе видит живых, одаренных разумом и свободой деятелей» [Крушевский 1876: 6]. Как отмечает Н.В. Крушевский, «размышляя и действуя, человек опирается на известные аксиомы, т.е. такие общие истины, которые по его взгляду неоспоримы и не требуют доказательства» [Крушевский 1876: 8]. Возникновение подобных аксиом выдающийся ученый объясняет следующим образом: «впечатления сходных черт целого ряда явлений, повторившись наибольшее число раз, получают наибольшую силу и вытесняют собой впечатления черт специальных, более слабые. ... Человек приходит к аксиоме, что *следствие должно походить на свою причину*. Процесс этот происходит бессознательно, начинаясь в безотчетном действе и теряясь в тысяче сходных случаев. Так слагаются в уме человека аксиомы» [Крушевский 1876: 9].

Выводы Н.В. Крушевского относительно происхождения устно-поэтических произведений были впоследствии развиты Е.Ф. Будде. В своей работе «Мифический элемент в русской народной словесности» (1885 г.) ученый вслед за Н.В. Крушевским продолжает исследовать символические элементы в фольклорных произведениях, рассматривая их под влиянием социально-исторических и психологических факторов в умственном развитии человека. Размышляя о роли природы в наивных представлениях древнего человека, Е.Ф. Будде отмечает, что первобытный человек находится «преимущественно в области природы и ее явлений: человека она более всего занимала и ставила от себя в зависимость» [Будде 1885: 8]. По утверждению Е.Ф. Будде, «природа

была самым главным фактором в жизни человека: природа его учила и давала ему материал для образования логических понятий, она его развивала и воспламеняла его фантазию» [Будде 1885: 12]. Ярким подтверждением высказанной мысли Е.Ф. Будде служит язык примет – сельскохозяйственных, метеорологических и некоторых суеверных.

Таким образом, трудно переоценить вклад представителей Казанской лингвистической школы – И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, Н.В. Крушевского, Е.Ф. Будде в развитие паремиологии, лингвофольклористики, лингвоэкологии, что связано, в первую очередь, с постановкой как общетеоретических языковых проблем, так и частных лингвистических вопросов, затрагивающих этноспецифические особенности восприятия окружающей действительности и языкового воплощения тех или иных концептов в пословицах, поговорках, народных приметах и других малых фольклорных жанрах.

В настоящее время необходимость изучения народных примет объясняется тенденциями, наблюдаемыми в современной лингвистике в связи с процессами глобализации и активного взаимодействия различных национальных культур, что стимулирует проведение исследований национальных языковых картин мира, особенностей языкового сознания различных народов, проявления национально-специфических черт в процессе концептуализации и категоризации человеческого опыта взаимодействия с окружающей действительностью.

Литература

Богородицкий В.А. Психология поэтического творчества: Публичная лекция / В.А. Богородицкий. – Казань: Типография Императ. Ун-та, 1900. – 27 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Предисловие / И.А. Бодуэн де Куртенэ // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – 3-е, испр. и доп. Изд. – М.: Товарищество М.О. Вольф, 1903. – С. IV-XI.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.

Будде Е.Ф. Мифический элемент в русской народной словесности / Е.Ф. Будде. – Вып. 1. – Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1885. – 107 с.

Крушевский Н.В. Заговоры как вид русской народной поэзии / Н.В. Крушевский. – Варшава: Типография И. Носковского, 1876. – 69 с.

Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. Харьков, 1913. – 125 с.

Фаттахова Н.Н. Народные приметы в разноструктурных языках: монография / Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 248 с.

Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. Монография / В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова. – Белгород: Белгородская областная типография», 2008. – 224 с.

Христофорова О.Б. К вопросу о структуре приметы / О.Б. Христофорова // Arbor mundi = Мировое дерево. – М., 1998. – Вып. 6. – С. 30-47.